

Международное семейное право: quo vadis?

Аннотация. В статье рассматривается эволюция международного частного права на примере норм, регулирующих трансграничные семейные отношения, с целью выявления факторов, оказывающих влияние на развитие международного семейного права на современном этапе, и тенденций, которые его сопровождают. Автор приходит к выводу о том, что международное частное право из аполитичной области юридического знания о способах преодоления конфликта превращается в инструмент правовой политики, способный обеспечить влияние на трансграничные отношения. В странах Европейского Союза, международное частное право которого за несколько десятилетий изменилось до неузнаваемости, это влияние особенно ощутимо. Обращается внимание на последовательный подход европейских институтов, который уже значительно расширил нормативный состав международного семейного права. Международное семейное право в Российской Федерации хотя и подвержено изменениям, но не столь динамичным. Тем не менее автор считает, что изменение status quo неизбежно и не может не учитывать объективных факторов, лежащих вне его пределов. Трансформация межгосударственных сообществ требует уточнения состава участников, полномочий их институтов по разработке норм международного семейного права, территории действия таких норм; определения юридического контура государственной семейной политики — адекватного отображения традиционных семейных ценностей в нормах конфликтного права; развития информационных технологий — совершенствования механизмов разрешения трансграничных семейных споров.

Ключевые слова: трансграничные семейные отношения; коллизия; трансформация; тенденции; интернационализация; миграция; научно-технический прогресс; политика; гармонизация; европеизация; инструментализация; унификация; кодификация; либерализация.

Для цитирования: Войтович Е. П. Международное семейное право: quo vadis? // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 166–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.166-173.

International Family Law: Quo Vadis?

Elena P. Voytovich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Institute of Management (RANEPA Branch)
Nizhegorodskaya ul., d. 6, Novosibirsk, Russia, 630102
voytovich-ep@ranepa.ru

Abstract. The paper discusses the evolution of private international law analyzing the rules governing cross-border family relations in order to identify the factors influencing the development of international family law at the present stage, and the trends that accompany it. The author concludes that private international law from an

© Войтович Е. П., 2023

* *Войтович Елена Павловна*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Нижегородская ул., д. 6, г. Новосибирск, Россия, 630102
voytovich-ep@ranepa.ru

apolitical field of legal knowledge about ways to overcome the conflict is turning into a tool of legal policy that can provide an impact on cross-border relations. In the European Union countries, whose international private law has changed beyond recognition over several decades, this influence is especially noticeable. Attention is drawn to the consistent approach of European institutions, which has already significantly expanded the normative structure of international family law. Although international family law in the Russian Federation is subject to change, it is not so dynamic. Nevertheless, the author believes that a change in the status quo is inevitable and cannot but take into account objective factors that lie outside its limits. The transformation of interstate communities requires clarification of the list of the participants, the powers of their institutions to develop the norms of international family law, the territory of such norms; determining the legal outline of the state family policy — an adequate reflection of traditional family values in the rules of conflict law; development of information technologies — improvement of mechanisms for resolving cross-border family disputes.

Keywords: cross-border family relations; collision; transformation; trends; internationalization; migration; scientific and technical progress; policy; harmonization; Europeanization; instrumentalization; unification; codification; liberalization.

Cite as: Voytovich EP. *Mezhdunarodnoe semeynoe pravo: quo vadis?* [International Family Law: Quo Vadis?]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(3):166-173. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.166-173. (In Russ., abstract in Eng.).

Классическая парадигма международного частного права предполагает определение применимого к трансграничному отношению права. Устоявшиеся каноны разрешения конфликта правовых систем позволяют ему столетиями оставаться неизменным, обеспечивая выбор права на основе принципа тесной связи. Тем не менее не учитывать влияние извне, оказываемое разнообразными факторами, становится все сложнее. Ответом на внешние вызовы является трансформация международного частного права, изменяющая его юридический ландшафт и значение. Особенно ощутимые перемены происходят в нормативном составе, менее заметные — в правоприменении. Все это приводит к утрате международным частным правом нейтралитета, превращении его в инструмент правовой политики. Какие цели могли бы иметь значение для международного частного права Российской Федерации? Какие механизмы способны обеспечить достижение этих целей? Quo vadis?

Международное частное право в Российской Федерации хотя и подвержено изменениям, но

не столь динамичным. Ключевыми факторами, обеспечивающими его трансформацию в современных условиях, по единодушному мнению представителей академического сообщества, являются интернационализация, миграция, научно-технический прогресс, влияние которых на развитие международного семейного права также весьма ощутимо. Так, интернационализация социальной сферы и международная миграция населения¹ находят свое отражение в увеличении количества трансграничных семей. На смену традиционным (судебная, административная) и альтернативным (медиация) формам взаимодействия спорящих сторон приходят новые (online dispute resolution), притом что их внедрение в область семейных отношений значительно отстает от других сфер социальной коммуникации индивидов. Онлайн-разрешению споров, которое включает использование технологий и компьютерной связи в онлайн- и офлайн-форматах, способствуют веб-платформы². Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала не только технологические, но и этические

¹ Международная миграция (прибывшие в РФ), по данным Росстата, составила в 2017 г. 589 033 чел., в 2018 г. — 565 685, в 2019 г. — 701 234, в 2020 г. — 594 146, в 2021 г. — 66 792 чел. (см.: URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 31.07.2022)).

² Среди зарубежных платформ наибольшей популярностью пользуются coParenter, Our Family Wizard, CREK ODR, Mylawbc, Modria, Matterhorn. Российских аналогов подобным платформам обнаружить не удалось.

плюсы такого взаимодействия³. В международном семейном праве использование подобных технологий имеет аналогичные преимущества, позволяющие сэкономить время, сократить расходы, выстроить порядок общения членов семьи, договориться о воспитании ребенка с помощью разнообразных инструментов (видеоконференции, электронные календари совместного воспитания, получение и отправка документов и др.). Особую популярность в последние годы приобретает онлайн-арбитраж, возможность использования которого в коммерческих делах становится обыденностью. Что же касается подобной практики в международных семейных спорах, то она пока не получила широкого распространения и признания⁴.

Вышеуказанные факторы способствовали появлению в Российской Федерации свода норм, регулирующих семейные отношения с участием иностранцев, основанных на разнообразных принципах определения применимого права (разд. VII Семейного кодекса РФ), разъяснению отдельных вопросов, возникающих при их применении (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24⁵), совершенствованию процессуального порядка разрешения трансграничных семейных споров, в том числе подачи документов в электронном виде, использовании систем видео-конференц-связи (Гражданский процессуальный кодекс РФ). Однако каких-либо инициатив по изменению законодательства в этой области не предвидится⁶. Академическое сообщество, внимание которого лежит скорее в плоскости правовых форм трансграничных экономических отношений, а не семейного права, также не выказывает осо-

бой заинтересованности. Например, тенденции, характерные для развития международного частного права в целом, применительно к его отдельным подотраслям и институтам не рассматриваются, что, на наш взгляд, препятствует их модернизации, учитывающей современной социальный и политико-правовой контекст.

Современное международное частное право Российской Федерации характеризуется расширением сферы регулирования, либерализацией, усилением значения международно-правовых источников, унификацией, гармонизацией, систематизацией и кодификацией, доместикацией⁷. Однако в международном семейном праве не все перечисленные процессы находят отражение. Так, потребность в регулировании отдельных видов семейных соглашений не находит отклика у отечественного законодателя; либерализация хотя и продемонстрировала отход от жестких коллизионных начал, однако результаты правоприменения свидетельствуют о том, что повышения значения принципа автономии воли в семейном праве не произошло, а применение иностранного права при разрешении трансграничных семейных споров российскими судами скорее является экзотикой. Усиление значения международных источников, унификация и гармонизация норм приобрели для международного семейного права Российской Федерации скорее декларативные и количественные, а не качественные показатели. Несомненный успех унификации в прошлом столетии обеспечил поступательное развитие международного частного права в Российской Федерации и государствах — участниках соответствующих соглашений, но сегодня между-

³ Schmitz A. J., Wing L. Beneficial and ethical ODR for family issues // Family court review. 2021. Vol. 59. № 2. P. 252–253. DOI: 10.1111/fcre.12572. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/action/showCitFormats?doi=10.1111%2Ffcre.12572> (дата обращения: 03.08.2022).

⁴ The International Family Law Arbitration Scheme является онлайн-арбитражем, призванным разрешать трансграничные семейные споры (см.: URL: <https://www.internationalfamilyarbitration.com> (дата обращения: 25.07.2022)).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

⁶ URL: <https://duma.gov.ru> (дата обращения: 04.08.2022).

⁷ Аничкин Е. С. Международное частное право начала XXI века: универсальные векторы развития // Известия АлтГУ. 2015. № 2-1 (86). С. 19–23.

народно-правовая база устарела и нуждается в обновлении. Принятие части III Гражданского кодекса РФ, активная работа по кодификации в ряде иностранных юрисдикций сопровождались доктринальной дискуссией российских правоведов о едином кодифицированном акте (законе или кодексе), содержащем необходимые нормы международного частного права⁸. В целом поддерживая эту идею, отметим, что сегодня она нуждается не только в тщательном анализе *de lege lata*, но и выверенном подходе к *de lege ferenda*. Дискуссионным является отношение доместикации⁹ к числу ключевых тенденций развития международного частного права. Она, по сути, является отрицательным побочным продуктом различий правовых систем, а если быть точнее, то национальных подходов к квалификации юридических понятий при разрешении конкретных споров, что «практически исключает возможность унификации терминологии на уровне как универсальных, так и региональных международных соглашений»¹⁰. Отказ разработчиков международных договоров от использования дефиниций, способных привести к непредсказуемому результату, широкое толкование терминов являются своего рода способами борьбы с указанной «тенденцией».

Отчасти сходные направления развития наблюдаются и в зарубежных государствах. Так, динамичная трансформация международного

частного права в странах Европейского Союза обусловила его новый облик, определяющий правовые формы материального, коллизионного и процессуального взаимодействия, а также демонстрирующий региональную интеграцию, принципиальные системные отличия и целевые установки.

Характеризуя векторы развития международного семейного права, зарубежные исследователи особое внимание уделяют его гармонизации, европеизации, инструментализации, либерализации, унификации. Примечательно, что усилия европейского сообщества находят выражение не только в количестве публикаций, воркшопов, круглых столов и конференций, но и работе международных организаций. Так, значительное увеличение нормативного материала в странах Европейского Союза дало мощный толчок к его стандартизации, результаты которой нашли отражение в нескольких регламентах¹¹, принципах европейского семейного права¹² и др. при неизменном сохранении национального регулирования, обеспечивающего относительную автономность государств-членов в решении трансграничных вопросов. Это, в свою очередь, вызывает опасения у зарубежных коллег-исследователей. «Следует ожидать, — отмечает К. Бёле-Вёльки, — что в долгосрочной перспективе различия между системами семейного права ЕС, с одной стороны, и еди-

⁸ *Маковский А. Л.* Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права // Кодификация российского частного права — 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2015. С. 172–202; *Ерпылева Н. Ю.* Источники международного частного права: современные тенденции и развитие // Государство и право. 2009. № 12. С. 52–63; *Казаков А. А.* Проблемы систематизации российского законодательства о международном частном праве // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 79–89.

⁹ То есть «одомашнивание» норм международного договора в государствах-участниках, их адаптация к специфике того или иного государства. Подробнее см.: *Аничкин Е. С.* Указ. соч. С. 22.

¹⁰ *Тригубович Н. В.* Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство // Закон. 2018. № 6. С. 70.

¹¹ Регламент Совета ЕС от 24.06.2016 № 2016/1104 об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам имущественных последствий зарегистрированных партнерств // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32016R1104> (дата обращения: 30.07.2022); Регламент Совета ЕС от 24.06.2016 № 2016/1103 об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам режимов собственности супругов // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R1103> (дата обращения: 30.07.2022).

¹² URL: <http://ceflonline.net/principles/> (дата обращения: 25.07.2022).

ными коммунитарными нормами международного частного права, регулируемыми семейные отношения, с другой, вызовут трения, такие как выбор места в суде, который можно сгладить только в том случае, если различия станут менее выраженными»¹³.

Несмотря на возможные трудности, сотрудничество государств по выработке единообразных норм смогло обеспечить необходимую интеграцию внутри Европейского Союза, дало ощутимую степень правовой определенности и предсказуемости правовых решений. Гармонизация международного частного права также привела к его европеизации¹⁴, благодаря которой нормы приобрели европейское, а не национальное происхождение, позволяющее оценивать их с позиции европейских целей свободы передвижения индивидов и членов их семей, недискриминации, уважения частной и семейной жизни. Кроме того, считает В. Экхаут, эти нормы были прямо обнародованы с целью достижения конкретных политических, фактически «европейских» целей, лежащих за пределами международного частного права: с одной стороны, они стали инструментом стимулирования свободы передвижения европейских граждан, с другой — ее ограничения с целью недопущения проживания, социального обеспечения и гражданства мигрантов из неевропейских стран¹⁵.

Такая трансформация норм международного частного права получила в литературе наименование инструментализации, претендующей на роль «революции конфликтного права», триггером для которой послужили недискриминация, фундаментальные права и взаимное признание¹⁶. Например, результатом ревизии норм национальных правопорядков на предмет их дискриминационного характера стало толкование, предложенное Судом Европейского Союза в ряде споров¹⁷. Суд пришел к выводу о том, что закон национальности, будучи объективным и пропорциональным критерием связи государства и гражданина, должен обеспечивать не только стабильность личного статуса лица, но и при сходных условиях достигать аналогичного правового эффекта.

Ярким примером влияния фундаментальных прав на европейское международное частное право явилось дело Грункин-Пол, в котором Суд Европейского Союза посчитал, что соображения административного удобства, которые привели к запрету двойной фамилии в государстве гражданства лица, не могут являться достаточными для оправдания препятствия в свободе передвижения, поэтому рассматриваемый запрет не представляется абсолютным с точки зрения законодательства соответствующего государства-члена¹⁸.

¹³ *Boele-Woelki K.* What comparative family law should entail // *Utrecht Law Review*. 2008. Vol. 4. № 2. P. 22.

¹⁴ Феномен европеизации возник в результате наделения Европейским Союзом себя полномочиями создавать правила МЧП посредством новой статьи 65 Договора ЕС. Подробнее см.: *Eeckhout V.* Communitarization of Private International Law: Tendencies to «liberalise» International Family Law. 2004. P. 52–70. URL: <https://hdl.handle.net/1887/16146> (дата обращения: 30.07.2022).

¹⁵ *Eeckhout V.* Private International Law Questions that Arise in the Relation between Migration Law (in the Broad Sense of the Word) and Family Law: Subjection of PIL to Policies of Migration Law? 2013. P. 5–6. URL: <https://ssrn.com/abstract=2203729> (дата обращения: 01.08.2022).

¹⁶ *Meeusen J.* Instrumentalisation of Private International Law in the European Union: Towards a European Conflicts Revolution? // *European Journal of Migration and Law*. 2007. № 9. P. 288, 290–291.

¹⁷ Court of Justice of the European Union. *Jutta Johannes v. Hartmut Johannes*. Judgment No. C-430/97 of 10 June 1999 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A61997CJ0430> (дата обращения: 20.07.2022); Court of Justice of the European Union. *Carlos Garcia Avello to Articles 17 EC and 18 EC*. Judgement No. C-148/02 of 2 October 2003 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62002CJ0148&from=EN> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁸ Court of Justice of the European Union. *Stefan Grunkin, Dorothee Regina Paul to Articles 12 EC and 18 EC*. Judgment of the Court No. C-353/06 of 14 October 2008 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62006CJ0353&from=EN> (дата обращения: 20.06.2020).

Наконец, взаимное признание было предложено в качестве противоположного методологического подхода, альтернативы несовершенному коллизионному методу, поскольку не обуславливает юридические последствия иностранного судебного решения соответствием или согласованностью с коллизионными нормами форума¹⁹.

Хотя феномен инструментализации международного частного права и связан с его европеизацией, он не исчерпывается ею. Инструментальное использование международного частного права в национальных правовых порядках отмечалось в государствах-членах и ранее. Так, попытка Нидерландов обосновать нормы международного брачного права целями миграции продемонстрировала использование международного частного права в качестве инструмента ограничительной миграционной политики²⁰.

Явление либерализации²¹ международного семейного права находит выражение в материальной и процессуальной областях. Его проявлениями стали возникновение/прекращение новых форм совместного проживания, свободный доступ к правосудию, soft-система признания судебных решений, актов административных органов. Задача международного частного права в этих условиях заключается в определении степени вмешательства Европейского Союза и его норм в регулирование новых

форм совместного проживания, обеспечении этими практиками свободы передвижения и других европейских прав и свобод²².

Важное влияние на развитие международного семейного права оказывает унификация, однако нельзя не заметить, что ее традиционная форма в странах Европейского Союза утрачивает былые позиции: «Нормативным инструментом сейчас является регламент, а не конвенция»²³. Тем не менее ее рано сбрасывать со счетов. Удачным примером недавней унификации норм международного семейного права является Регламент ЕС 2019/1111 от 25.06.2019 о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по брачно-семейным делам и по вопросам родительской ответственности, а также о международном похищении детей²⁴ (Брюссель II ter), пришедший на смену Регламенту ЕС № 2201/2003 о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000²⁵ (Брюссель II bis).

И всё же перспективы унификации в рассматриваемой сфере академическое сообщество связывает с созданием общеевропейских правил выбора права в отношении брачно-семейных отношений. Сходные предложения высказываются и в отечественной литературе: «...коллизионно-правовое регулирование нуждается в

¹⁹ Muir Watt H. Fundamental rights and recognition in private international law // Journal européen des droits de l'homme. 2013. № 3. P. 411–434. URL: <https://spire.sciencespo.fr/notice/2441/2jsbqv8vmf8qjpm7q5k0k010r> (дата обращения: 18.07.2022).

²⁰ Eeckhout V. Private International Law Questions that Arise in the Relation between Migration Law... P. 6–7.

²¹ Примечательно, что в российском международном частном праве феномен либерализации как тенденции международного частного права находит объяснение в «переходе его норм от жестких коллизионных привязок к более гибким, в сокращении числа императивных и односторонних коллизионных привязок и соответственно в расширении диспозитивных и двусторонних». Подробнее см.: Попондопуло В. Ф. Международное частное право: природа и тенденции развития // Российский юридический журнал. 2018. № 2 (119). С. 96. Аналогичный подход см.: Аничкин Е. С. Указ. соч. С. 22.

²² Eeckhout V. Private International Law Questions that Arise in the Relation between Migration Law... P. 8–10.

²³ North P. Private International Law: Change or Decay? // International and Comparative Law Quarterly. 2001. № 50. P. 504.

²⁴ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R1111> (дата обращения: 05.08.2022).

²⁵ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32003R2201> (дата обращения: 05.08.2022).

общей унификации. В обозначенном контексте представляется необходимым наличие международного договора о коллизионно-правовом регулировании общего характера»²⁶. Последнее нуждается в уточнении сферы действия такого договора, количества его участников и т.п.

Итак, трансформация международного частного права неизбежна и ее направления во многом определяются теми обстоятельствами, которые сопровождают сегодня социум. Интеграция внутри Европейского Союза меняет регулирование, превращая его не только в инструмент стимулирования прав и свобод, но и миграционной политики. Согласованные и последовательные действия европейских институтов уже привели к разработке единообразных норм, способствующих сохранению последовательности подхода к международному семейному праву. И работа в этом направлении продолжается.

Будет ли российское международное частное право в изменившемся мире сохранять свою нейтральность? Думается, что изменение status quo неизбежно и не может не учитывать

объективных факторов, лежащих вне его пределов. Так, трансформация межгосударственных сообществ (СНГ, ЕС, БРИКС) требует уточнения состава участников, полномочий их институтов по разработке норм международного семейного права, территории действия таких норм; определение юридического контура государственной семейной политики — адекватного отображения традиционных семейных ценностей в институтах конфликтного права; развитие информационных технологий — совершенствования механизмов разрешения трансграничных семейных споров. Целевые установки международного семейного права (справедливость, уважение, запрет дискриминации и др.) и ценностные ориентиры (правовая определенность, предсказуемость, пропорциональность, пространственная непрерывность семейных связей) должны стать основой его нормативной трансформации. Достижение этих целей возможно не только за счет совершенствования механизмов коллизионного регулирования, но и процессуальных институтов разрешения трансграничных семейных споров.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аничкин Е. С.* Международное частное право начала XXI века: универсальные векторы развития // Известия АлтГУ. — 2015. — № 2-1 (86). — С. 19–23.
2. *Войтович Е. П.* Автономия воли в регулировании имущественных отношений супругов, осложненных иностранным элементом, в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2019. — № 2. (266). — С. 72–81.
3. *Войтович Е. П.* Разрешение трансграничных семейных споров в практике российских судов // Право и правоприменение в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Новосибирск, 2020. — С. 175–176.
4. *Войтович Е. П.* Семейные соглашения в международном частном праве // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 5 (186). — С. 45–52.
5. *Попондопуло В. Ф.* Международное частное право: природа и тенденции развития // Российский юридический журнал. — 2018. — № 2 (119). — С. 91–99.
6. *Терновая О. А.* Регламенты Европейского Союза об имуществе супружеских пар и развитие судебного сотрудничества по гражданским делам // Судья. — 2019. — № 11 (107). — С. 48–53.
7. *Тригубович Н. В.* Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство // Закон. — 2018. — № 6. — С. 69–78.

²⁶ *Шахназаров Б. А.* Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 51.

8. Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 44–60.
9. Boele-Woelki K. What comparative family law should entail // *Utrecht Law Review*. — 2008. — Vol. 4. — № 2. — P. 1–24.
10. Eeckhout V. Communitarization of Private International Law: Tendencies to «liberalise» International Family Law. — 2004. — P. 52–70.
11. Eeckhout V. Private International Law Questions that Arise in the Relation between Migration Law (in the Broad Sense of the Word) and Family Law: Subjection of PIL to Policies of Migration Law? — 2013.
12. Meeusen J. Instrumentalisation of Private International Law in the European Union: Towards a European Conflicts Revolution? // *European Journal of Migration and Law*. — 2007. — № 9. — P. 287–305.
13. Muir Watt H. Fundamental rights and recognition in private international law // *Journal européen des droits de l'homme*. — 2013. — № 3. — P. 411–434.
14. Schmitz A. J., Wing L. Beneficial and ethical odr for family issues // *Family court review*. — 2021. — Vol. 59. — № 2. — P. 250–267.

Материал поступил в редакцию 6 августа 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anichkin E. S. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo nachala XXI veka: universalnye vektory razvitiya // *Izvestiya AltGU*. — 2015. — № 2-1 (86). — S. 19–23.
2. Voytovich E. P. Avtonomiya voli v regulirovanii imushchestvennykh otnosheniy suprugov, oslozhnennykh inostrannym elementom, v Rossiyskoy Federatsii // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2019. — № 2. (266). — S. 72–81.
3. Voytovich E. P. Razreshenie transgranichnykh semeynykh sporov v praktike rossiyskikh sudov // *Pravo i pravoprimerenie v sovremennoy Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. — Novosibirsk, 2020. — S. 175–176.
4. Voytovich E. P. Semeynye soglasheniya v mezhdunarodnom chastnom prave // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 5 (186). — S. 45–52.
5. Popondopulo V. F. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: priroda i tendentsii razvitiya // *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. — 2018. — № 2 (119). — S. 91–99.
6. Ternovaya O. A. Reglamenti Evropeyskogo Soyuza ob imushchestve supruzheskikh par i razvitie sudebnogo sotrudnichestva po grazhdanskim delam // *Sudya*. — 2019. — № 11 (107). — S. 48–53.
7. Trigubovich N. V. Roditelskaya opeka i otvetstvennost: konventsionnoe tolkovanie Gaagskoy konferentsii po mezhdunarodnomu chastnomu pravu i rossiyskoe zakonodatelstvo // *Zakon*. — 2018. — № 6. — S. 69–78.
8. Shakhnazarov B. A. Sovremennye tendentsii razvitiya mezhdunarodnogo chastnogo prava i ego mesto v sisteme prava // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 44–60.
9. Boele-Woelki K. What comparative family law should entail // *Utrecht Law Review*. — 2008. — Vol. 4. — № 2. — P. 1–24.
10. Eeckhout V. Communitarization of Private International Law: Tendencies to «liberalise» International Family Law. — 2004. — P. 52–70.
11. Eeckhout V. Private International Law Questions that Arise in the Relation between Migration Law (in the Broad Sense of the Word) and Family Law: Subjection of PIL to Policies of Migration Law? — 2013.
12. Meeusen J. Instrumentalisation of Private International Law in the European Union: Towards a European Conflicts Revolution? // *European Journal of Migration and Law*. — 2007. — № 9. — P. 287–305.
13. Muir Watt H. Fundamental rights and recognition in private international law // *Journal européen des droits de l'homme*. — 2013. — № 3. — P. 411–434.
14. Schmitz A. J., Wing L. Veneficial and ethical odr for family issues // *Family court review*. — 2021. — Vol. 59. — № 2. — P. 250–267.